
Научная статья
УДК 398.1=398.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-108-115

**СЮЖЕТ И МОТИВЫ ЦИКЛА
О НАРТУГЕ (МАРАТИНЕ) КОШИРОКО.
ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гутова, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются разные варианты сюжета, а также центральные мотивы сказания и песни о герое историко-героического эпоса, Нартуге (Маратине) Кошироко. Особое внимание обращается на степень распространенности сюжета на территории проживания адыгов, на стилевые особенности текстов сказания и на то, что историко-героические нарративы иногда сопровождаются песнями очистительного характера. В результате изучения материалов делается вывод о соответствии характера изложения основной сюжетной линии жанровым признакам эпоса, устанавливаются функции предметной атрибутики в раскрытии образа главного героя и идейного замысла песнетворца. Анализ песенных текстов производится с опорой на наблюдения над поэтикой и стилистикой песенного текста. (структура, гиперболоизация, аллитерация).

Ключевые слова: историко-героический эпос, типологизация сюжета, мотив, зек, папшина, князь, очистительная песня, сказание

Для цитирования: Гутова Л.А. Сюжет и мотивы цикла о Нартуге (Маратине) Кошироко. География распространения // Вестник КБИГИ. 2022. № 2 (53). С. 108–115. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-108-115

Original article

**PLOT AND MOTIVES OF THE CYCLE
ABOUT NARTUGA (MARATINA) KOSHIROKO.
GEOGRAPHY OF DISTRIBUTION**

Liana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2022

Abstract. The article discusses different versions of the plot, as well as the central motifs of the legend and song about the hero of the historical and heroic epic – Nartug (Martin) Koshiroko. Particular attention is paid to the degree of prevalence of the plot in the territory of the residence of the Adygh's, to the stylistic features of the texts of the legend and to the fact that historical and heroic narratives are sometimes accompanied by songs of a purifying nature. As a result of studying the materials, it is concluded that the nature of the presentation of the main storyline corresponds to the genre features of the epic, the functions of subject attributes in revealing the image of the main character and the ideological plan of

the songworker are established. The analysis of song texts is based on observations on the poetics and stylistics of the song text (structure, hyperbolization, alliteration).

Keywords: historical and heroic epic, typologization of the plot, motif, zeko, pkhaph-shina, prince, cleansing song, legend

For citation: Gutova L.A. Plot and motives of the cycle about Nartuga (Maratina) Koshiroko. Geography of distribution. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 2 (53): 108–115. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-2-53-108-115

Как известно, главный принцип возникновения циклов в адыгском историко-героическом эпосе – это сочинение песни по следам реального события и формирование сопровождающего предания как художественно значимого комментария, без которого не все детали, упоминаемые в песенном тексте, могут быть понятными слушателю [Аутлева 2018: 19–268; Гутов 2021]. Однако данный принцип не универсален, и в некоторых случаях налицо отступления от общего правила. В связи с этим важно принять во внимание, что в традиционном адыгском обществе активно функционировал самостоятельный институт джегуако, профессиональных носителей культуры, в функции которых наряду с другими областями деятельности входило и сочинение песен [Налоев 2011], причем совсем не обязательно – по горячим следам события. Вполне естественно, что далеко не все песни, бытующие в устном обиходе, сочинялись именно ими, но все же джегуако занимались песнетворчеством и исполнением профессионально. Отсюда справедливо сделать вывод, что нельзя исключать вероятности возникновения сюжетов некоторых циклов не только из подлинных событий, а вполне возможно и из услышанных где-то интересных историй, и даже из понравившихся древних сказаний. И даже когда в основе эпического цикла лежит реальное событие, оно обязательно пропускается через художественное сознание творца, а при проникновении в фольклорный обиход исходный сюжет и центральные мотивы претерпевают все трансформации, естественные для устного бытования. В данном плане интересно рассмотреть сюжет и центральные мотивы сказания и песни цикла о Нартуге Кошироко, по другой версии имени героя – о Мартине Кошироко.

Прежде чем рассматривать сюжеты данного цикла, считаем важным представить краткий обзор наиболее интересных материалов, имеющих в качестве источников по избранной теме. Отчасти они опубликованы в различных изданиях, но по большей же части хранятся в рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН. Также необходимо оговорить принципы отбора и систематизации материала. Самая ранняя публикация была осуществлена в 1898 г. П.И. Тамбиевым и Л.Г. Лопатинским [СМОМПК 1898]. Следующая датируется советским временем: в издании «Кабардинский фольклор» 1936 г. помещен поэтический перевод песни, предположительно выполненный с оригинала первой публикации или же, что вероятнее, с записи, которая весьма близка к ней. Важное отличие данного варианта заключается в том, что текст песни предваряется прозаическим сказанием, в котором изложены подробности события, ставшего толчком для возникновения песни [Кабардинский фольклор 1936: 404–408]. Это первый случай представления целостного цикла, песни и сказания данного цикла, причем прозаический нарратив – один из наиболее полных и логически стройных вариантов, которые были записаны за всю историю собирания. Последующие публикации научного и научно-популярного характера были выполнены в середине и второй половине XX в. З.П. Кардангушевым или же при его участии. Это, по сути, перепечатки одного варианта, исполненного самим составителем, который получил широкое признание и как исследователь, и как незаурядный исполнитель [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1969: 53–54, 102; Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 48–49, 176–177; НПИНА 1990: 371–375; 376–383].

Ряд записей хранится в рукописном Архиве КБИГИ. Так в разделе историко-героического эпоса имеется отдельная папка, посвященная вышеназванному

герою, в ней содержится 26 паспортов [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21 р], в ней помещено 34 вариантов песен и преданий, записанных в разное время и от разных информантов. В ходе ознакомления с материалами мы сочли нужным выбрать для более обстоятельного изучения такие записи, которые не вызывали сомнения в аутентичности текстов, были наиболее значительны в художественном плане и отражали все версии данного цикла. Таким образом, мы отобрали 9 наиболее подходящих по представленным критериям сказаний, большинство которых сопровождаются песенными текстами (8 песен). Среди них есть и ранее не опубликованные.

Вопрос типологизации сюжетов всегда остается недостаточно раскрытым в фольклоре. Но ученые все же дают свое объяснение данному явлению, в особенности, когда речь идет о сюжетах, бытующих в общем локализованном пространстве, таком как Северный Кавказ и республики, находящиеся на этой территории. К примеру, сказания о Ходже Насреддине бытуют не только у восточных народов, они записаны на многих языках, одни и те же сюжеты в разных интерпретациях широко распространены и среди народов Кавказа, что говорит об их взаимодействии с Востоком [Двадцать три Насреддина 1978]. Если же говорить о сказаниях и песнях одного народа, то, само собой разумеется, что взаимодействие есть естественный процесс, который четко отражен и в фольклоре. Предпосылками тому было множество обстоятельств: многочисленные походы – *зеко*, породнённые представители разных селений и соседствующих этнических образований, активное взаимодействие социальных структур общества. Наряду с этим ареал бытования цикла может быть в одном случае относительно широким, как это очевидно с такими произведениями фольклора как «Андемиркан» [Адыгские историко-героические песни ... 2019] или «Кучук Аджигирей» / «Кушук Ажджерий» [НПИ-НА 1990: 52–72; МыкЮсэрэ... 1994: 227–243 (всего семь записей на различных западноадыгских диалектах)] и др., записанные фактически на всей территории исторического обитания адыгов – от кабардинцев на востоке ареала до бжедугов и абадзехов на северо-западе. Рассматриваемый цикл имеет более локальное распространение и записан только у носителей кабардино-черкесского варианта общеадыгского языка.

Так, при изучении материалы, касающихся легендарного героя эпоса Кошироко Нартуга (Мартина) мы видим множество совпадений сюжетов и мотивов сказаний, которые были зафиксированы в разных населенных пунктах Кабардино-Балкарской республики. К примеру, совпадения основополагающего сюжета наблюдаются в сказаниях о Нартуге зафиксированные в селениях Кахун [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 18], Старый Лескен [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 7], Арик [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 8]. Здесь сюжет один: герой расправляется с князем, который из-за своей прихоти не предоставляет адекватных условий для жизни и труда своим подданным. В данном случае во всех трех вариантах князь требует от людей заняться совершенно несвоевременным делом – огородить его земли забором вокруг селения, а в одном из вариантов и семикратной колючей изгородью вместо того, чтобы выйти на пахоту в разгар сезона. В тот период люди должны были особенно трудиться, чтобы должным образом обеспечить свои семьи и его самого пропитанием в предстоящем году. Заносчивый князь даже не прислушивается к авторитетному среди людей воину Кошироко Нартугу, за что герой решает расправиться с неугодным феодалом и убивает его. В большинстве случаев это происходит на нейтральной территории, когда князь выезжает в *зеко*, а воин, с острым чувством справедливости нападает на него и убивает в поединке. Таким образом, мотивируется убийство князя. В качестве источника конфликта выступает бездумное жестокое отношение господина к своим подданным. В идеале всякому рыцарю-наезднику было предписано всемерно заботиться о своих подданных. Здесь же налицо не служение во благо общества, а самовластие во удовлетворение своих прихотей

и бездумная эксплуатация подданных, за что князь и оказывается наказанным от рук главного героя. Здесь следует упомянуть о том, что согласно адатам кровной мести, личность, посягнувшая на жизнь высокопоставленного лица (князя, уорка) должна была понести наказание. Род князя объявлял убийце сородича кровную месть и уничтожал не только его самого, но и всех членов его семьи, в особенности мужского пола. Об этом подробно пишет известный адыгский исследователь-этнограф Х.М. Думанов в своем труде «Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка»: «Кровная месть. Древний обычай адыгов. Если кто-то умышленно или случайно убил человека, то его родственники подлежали к мести со стороны родственников потерпевшего» [Думанов 2006: 90]

В вариантах сказания также повествуется о том, что в силу того, что Нартуг мог понести наказание за убийство князя, он тщательно скрывает этот факт, хороня его тело, и пряча надежно отдельные атрибуты (усы, кольчужную рубаху, коня). С одной стороны герой совершает преступление по отношению к вышестоящему лицу, но с другой, он защищает интересы общества, простых людей. Чтобы пойти на такой риск, как убийство князя нужно было обладать большим мужеством, сильным, волевым характером. Также следовало безупречно владеть оружием, так как князья с особой тщательностью обучались тонкостям всего, что касалось воинского искусства. Удивительно и то, что во всех сказаниях герой не выставляет себя как победитель, не хвастается своими заслугами перед остальными, а раскрывается лишь посредством песни. Зачастую во всех сюжетах герой, будучи уже в преклонном возрасте, через песенный текст оглашает свои подвиги. Песню ненароком слышит либо проходящая мимо его дома старушка, либо соседская сноха – они и распространяют весть о подвигах героя. В одном варианте сказания о Нартуге такая песня представляется как очистительная. Отметим, что о песнях, их значимости в обществе и об их очистительном характере писал известный адыгский фольклорист З.М. Налоев, посвятивший целую статью песням очистительного характера и восприятию обществом таких песен. «Очистительная песня предполагает существование в средневековом адыгском обществе представления о несовместимости песни с ложью. Песенное слово – это слово правды, оно предполагает события и факты так, как было в действительности, фиксирует, но не интерпретирует их. То, что сказано в песне, не может быть ложью. Без такой веры в искренность песни, в ее природную правдивость не могла бы возникнуть очистительная функция песни» [Налоев 2009: 149]. Таково было доминирующее представление о функции песни в адыгском традиционном обществе.

Возвращаясь к сказанию о Нартуге, отметим, что подобного рода песня зафиксирована в одном из вариантов сказания в селении Кахун [АрхивИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 13]. Узнав о том, что князя убил Нартуг (или как повествуется в тексте Мартина), против героя восстает не только княжеская семья, но и все жители родного селения. Мартина, подвергаемый остракизму, покидает родину и подается в абреки. Лишь изредка он возвращается в отчий дом. Так, в очередной раз, вернувшись домой, он берет свою *пхашину* и излагает в песне все, что случилось на самом деле и почему ему пришлось убить князя. Здесь мотив убийства князя несколько иной, так как в этом варианте сказания герой вынужден был отстаивать свое собственное достоинство. Встретившись со спесивым молодым князем, который дерзко ведет себя по отношению к герою, Мартина, будучи настоящим воином, профессиональным наездником, оказывается в безальтернативной ситуации, и он вынужден ответить на провокацию князя и убить его, чтобы самому не погибнуть или не стать опозоренным. Обо всем этом и о том, как, несмотря на оскорбления со стороны князя, он со всеми почестями похоронил его, он сообщает миру песней, которую невольно слышит младший брат убитого. Таким образом, становится очевидным, что Мартина поступил так, как и полагается настоящему воину. Песня оказывается воистину очистительной, что

приводит к мирному разрешению конфликта: общество, а с ним и родные князя, находят поступок героя песни мотивированным.

Несколько иной сюжет о Нартуге зафиксирован в селениях старый Урух и 2-ой Лескен [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21р, паспорт 5, 10]. Здесь сюжеты идентичны – в обоих текстах фигурирует князь со своим спесивым характером и нежеланием его признавать за людьми права иметь свое мнение, помимо его собственной воли. Так в одном варианте Мартина выступает как оруженосец князя, он, в отличие от своего заносчивого сюзерена, по возвращении из *зеко* раздает добычу нуждающимся. Естественно, что это с одобрением воспринимается народом, ставит его в глазах общества выше самого князя, и тот не может мириться с таким положением. В другом варианте, герой, будучи уже в преклонном возрасте, дает советы людям, которые часто к нему обращаются. Здесь, как и в предыдущем сюжете, князь не приемлет другого авторитетного лица, помимо себя самого. Это приводит к тому, что сам князь провоцирует конфликт. Князь отправляется с ним в поход в сопровождении Нартуга как оруженосца, но по ночам на стоянках тайно охотится за героем. Он надеется застать того спящим и убить его. Но бдительный Нартуг, защищаясь, сам убивает князя. Когда проясняются все обстоятельства, он оказывается в глазах общества неповинным, ибо он был вынужден защищаться.

Еще один интересный сюжет о Нартуге зафиксирован в селении Верхний Курп Кабардино-Балкарской республики [Архив ИГИ КБНЦ РАН: папка 21 р, паспорт 6]. Здесь мотив убийства вышестоящего лица как такового не зафиксирован. Сюжетообразующим звеном является убийство сына Нартуга его же братьями, которые завидовали в свое время Нартугу, а теперь и его сыну, за то, что юноша унаследовал от отца мужество, расторопность в делах и высокое владение воинским искусством. Узнав о том, что родные братья погубили его единственного сына, Нартуг посредством песни рассказывает о том, как он однажды убил князя. Песню слышит проходящая мимо старушка и разглашает весть по всему обществу. Поскольку согласно обычному праву весь род князеубийцы подлежит уничтожению, родня князя в отместку убивает всех братьев Нартуга и его самого, а Нартуг, сам не проливая крови своих родных, мстит за смерть сына чужими руками. Поскольку герой уже свое отжил, он с легким сердцем принимает смерть, но зато этим самым оказывается пресеченной и родословная линия его недостойных завистливых братьев.

Возвращаясь к теме о типологизации сказаний, хотелось бы отметить и наличие сходных образов, представленных в сюжетах. Главными образами являются сам герой и князь, второстепенными выступают либо народ, либо брат или братья героя, княжеский род. Также тексты насыщены и сходными предметными образами в виде подкольчужной белой рубахи князя, княжеских усов, коня, борзых серых собак, черного сундука или колчана. Эти образы идентичны во всех текстах, что свидетельствует о едином источнике всех вариантов.

Обращаясь к песням, в цикле о Нартуге Кошироко, отметим, что в большинстве случаев каждая повествовательная версия дополняется стихотворным текстом песни. В некоторых вариантах она частично дублирует сказание, но чаще перекликается с ним, образуя суггестивные иносказания, понимание которых возможно при знании нарратива. Не смотря на то, что фамильное имя «Кошироко» известно в Кабарде до настоящего времени, никаких достоверных сведений о конфликте человека из данного рода с неким князем не имеется. Скорее всего, песня возникла не на основе реального события, а в результате творческой обработки интересного сюжета, который сложился в устном обиходе, вне прямой связи с конкретными реальными событиями.

В ходе работы над текстами мы с очевидностью установили, что варианты сказания о Нартуге Кошироко во многом сходны между собой, то же самое можно сказать и о записях песни. В разных вариантах достаточно часто встречаются

одинаковые языковые обороты. То же самое отмечается и в центральных образах, последовательности действий, мотивировке происхождения самой песни. В частности мотив происхождения песен из цикла, посвященного мужественному Нартугу Кошироко, несет явно выраженный очистительный характер: герой, как мы уже говорили ранее, вынужден прибегнуть к посредству песни, чтобы достичь желанной цели. Он либо отвергнут обществом по причине неприятия его поступка, воспринятого как преступление, либо, будучи уже в преклонном возрасте, он лишен должного уважения, поскольку никто не знает о его славном прошлом. Посредством песни он передает слушателю информацию о своих переживаниях, о своей невинности или же былых подвигах, чтобы, не нарушая приличий, донести правду о себе до всего общества и восстановить достойное отношение к себе.

Аналогичный прием этикетного, «внесудебного», восстановления справедливости типичен для адыгского историко-героического фольклора, о чем писали исследователи [Налоев 2009; Гутов 2021]. Вполне вероятно, что повторяемость ситуации в условиях раннефеодального рыцарского общества с его строгими этическими императивами могла стать сюжетообразующим ядром эпического цикла и стать толчком для поэтов-джегуако к сложению самой песни на его основе.

Список источников

Адыгские историко-героические песни ... 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. Том первый. Андемиркан. Нальчик, 2019. 430 с.

Адыгэ уэрэдыжхэр 1969 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. Зэхэзыльхьар КъардэнгъуцI Зырамыкуш. Нальчик: Эльбрус, 1969. 116 н. (Адыгские народные песни. Сост. Зарамук Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1969. 324 с. На кабард. яз).

Адыгэ уэрэдыжхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжхэр*. Зэхэзыльхьар КъардэнгъуцI Зырамыкуш. Нальчик: Эльбрус, 1979. 324 н. (Адыгские народные песни. Сост. Зарамук Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1979. 324 с. На кабард. яз).

Архив ИГИ КБНЦ РАН папка 21-р, паспорт № 13. Исп. Амирхан Хавпачев: 63 года, сел. Кахун Кабардино-Балкарии. Зап. В 1945 г. (дата не указана) З. Берекетов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 5: Къуэшырокъуэ Нартыгу и уэрэд, и таурыхь (Песня и предание о Нартуге Кошироко). Исп. Тимижев Казгери: 75 лет, с. Верхний Курп Кабардино-Балкарии. Зап. Зап. 3 окт. 1956 г. А. Шортанов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 7. Къуэшырокъуэ Нартыгу и таурыхь-ымрэ и уэрэдымрэ. (Нартуг Кошироко: предание и песня о нем). Исп. Мухамед Эльджероков: 72 года. Сел. Андзорей (Старый Лескен Кабардино-Балкарии). Зап. 29 окт. 1956 г. Х. Жакамухов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 10. Сказ и песня про Храброго Мартина. Исп. Чаш Дзахмишев: 65 лет, сел. Старый Урух Кабардино-Балкарии. Зап. 12 мар. 1962 г. А. Сруков.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 6: Къуэшырокъуэ Нартыгу и уэрэд, и таурыхь (Песня и предание о Нартуге Кошироко). Исп. Тимижев Казгери: 75 лет, с. Верхний Курп Кабардино-Балкарии. Зап. Зап. 3 окт. 1956 г. А. Шортанов.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, папка 21-р, паспорт № 8. Къуэшырокъуэ Нартыгум и уэрэдымрэ и хьыбарымрэ (Нартуг Кошироко: предание и песня о нем). Исп. Циру Набитов: 88 лет, сел. Арик Кабардино-Балкарии. Зап. 13 дек. 1968 г. А. Гукемух.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, Фольклорный фонд, Папка № 21-р.

Архив ИГИ КБНЦ РАН, Папка 21-р, паспорт 18

Аутлева 2018 – *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков Аутлева С.Ш. Избранные труды. Нальчик: Печатный двор, 2018. 616 с.

Гутов 2021 – *Гутов А.М.* Поэтика и стилистика историко-героического эпоса адыгов. Нальчик: Принт-центр, 2021. 232 с.

Двадцать три Насреддина 1978 – *Двадцать три Насреддина*. М.: Наука, 1978. 584 с.

Думанов 2006 – *Думанов Х.М.* Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 213 с.

Кабардинский фольклор 2000 – *Кабардинский фольклор*. Под ред. Г.И. Бройдо и Ю.М. Соколова. Изд. 2-е. Нальчик: Эль-фа, 2000. 651 с.

МыкIосэрэ... 1994 – *МыкIосэрэ жьуагъохэр*. Мыекъуапэ, 1994. 334 н. (Немеркнущие звезды. Майкоп, 1994. 334 с.).

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Очистительная песня в адыгском фольклоре / Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 144–158.

Налоев 2011 – *Налоев З.М.* Институт джегуако. Нальчик, ООО «Тетраграф», 2011. 407 с.

НПИНА 1990 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. Под общей ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор. Т. III. Ч. 2. 1990. 488 с.

СМОМПК 1898 – *Сборник для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 25. Тифлис, 1898.

References

Adyge ueredyzh'her [Adyge old songs]. Zekhezyl'h'ar K''ardeng''ushchI Zyramyushch. Nalshyk: El'brus, 1969. 116 n. (Adygskie narodnye pesni. Sost. Zaramuk Kardangushev. Nal'chik: El'brus, 1969. 324 s. Na kabard. yaz.).

Adyge ueredyzh'her [Adyge old songs]. Zekhezyl'h'ar K''ardeng''ushchI Zyramyushch. Nalshyk: El'brus, 1979. 324 n. (Adygskie narodnye pesni. Sost. Zaramuk Kardangushev. Nal'chik: El'brus, 1979. 324 s. Na kabard. yaz.).

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport 18.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 7. K''ueshyrok''ue Nartygu i tauryh''ymre i ueredymre. (Nartug Koshiroko: predanie i pesnya o nem). Isp. Muhamed El'dzherokov: 72 goda. Sel. Andzorej (Staryj Lesken Kabardino-Balkarii). Zap.29 okt. 1956 g. H. Zhakamuhov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 8. K''ueshyrok''ue Nartygum i u№ eredymre i h''ybyarmre. Isp. Ciru Nabitov: 88 let, sel. Arik Kabardino-Balkarii. Zap. 13 dek. 1968 g. A. Gukemuh.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Fol'klornyj fond, Papka № 21-r.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 13. Isp. Amirhan Havpachev: 63 goda, sel. Kahun Kabardino-Balkarii. Zap. V 1945 g. (data ne ukazana) Z. Bereketov.

ArhivIGIKBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 5: K''ueshyrok''ue Nartygu i uered, i tauryh'' (Pesnya i predanie o Nartuge Koshiroko). Isp. Timizhev Kazgeri: 75 let, s. Verhnij Kurp Kabardino-Balkarii. Zap. Zap. 3 okt. 1956 g. A. Shortanov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 10. Skaz i pesnya pro Hrabrogo Martina. Isp. Chash Dzahmishev: 65 let, sel. Staryj Uruh Kabardino-Balkarii. Zap. 12 mar. 1962 g. A. Srukov.

Arhiv IGI KBNC RAN [Archive of IHR KBSC RAS]. Papka 21-r, pasport № 6: K''ueshyrok''ue Nartygu i uered, i tauryh'' (Pesnya i predanie o Nartuge Koshiroko). Isp. Timizhev Kazgeri: 75 let, s. Verhnij Kurp Kabardino-Balkarii. Zap. Zap. 3 okt. 1956 g. A. Shortanov.

AUTLEVA S.Sh. *Adygskie istoriko-geroicheskie pesni XVI–XIX vekov* [Historic and heroic Adyge songs of XVI-XX centuries]. /Autleva S.Sh. Izbrannye trudy. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2018. 616 s.

DUMEN H'.M. *Adygekhem ya dauedapshchekher. Etnografie terminhem ya psal''al''e* [Dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language]. Nalshyk: El'-Fa, 2006. 213 n. (Dumanov H.M. Slovar' etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka. Nal'chik: El'-Fa, 2006. 213s.)

Dvadcat' tri Nasreddina [Twenty three Nasreddins]. M.: Nauka, 1978. 584 s.

GUTOV A.M. *Poetika i stilistika istoriko-geroicheskogo eposa adygov* [Poetic and stylistics of the historical and heroic Adyge epic] Nal'chik: Print-centr, 2021. 232 s.

Kabardinskij fol'klor [Circassian Folklore]. Pod red. G.I. Brojdo i Yu.M. Sokolova. Izd. 2-e. Nal'chik: El'-fa, 2000. 651 s.

MykIosere zh''uag''oher [Unfading stars]. Myek''uape, 1994. 334 n. / Nemerknushchie zvezdy Maykop, 1994. 334s.

NALOEV Z.M. *Institut dzheguako* [Institute of dzheguako]. Nal'chik, ООО «Тетраграф», 2011. 407 s.

NALOEV Z.M. *Ochistitel'naya pesnya v adygskom fol'klore* [Sketches on the history of culture of the Circassians] / *Etyudy po istorii kul'tury adygov*. Nal'chik: El'brus, 2009. S. 144–158.

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghs] . Pod obshchej red. E.V. Gippiusa. M.: Sovetskij kompozitor. T. III. Ch. 2. 1990. 488 s.

Sbornik dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza [A collection for describing the localities and tribes of the Caucasus]<https://translate.yandex.ru/translator/ru-en> Vypusk 25 Tiflis 1898.

Thyder zi l'abzh'e adyge ueredyzh'hemre h'ybatrhemre [Adyghes historical and heroic songs and legends]. Yape thyl'. Andemyrkan. Nalshyk, 2019. 430 n. (Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya. Tom pervyj. Andemirkan. Nal'chik, 2019. 430 s.

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Adyghes Folklore.

Статья поступила в редакцию 5.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 5.07.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.